

РАЗВИТИЕ ВОЗЗРЕНИЙ НА ПРОБЛЕМУ «ЗАПАД – ВОСТОК» ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ФИЛОСОФСКОЙ ШКОЛЫ ВСЕЕДИНСТВА РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ

© 2007 г.

И.А. Треушников

Нижегородская академия МВД России

treushnikovilya@mail.ru

Поступила в редакцию 22.03.2007

Автор проводит сравнительный анализ философско-исторических воззрений представителей русской философской школы всеединства в рамках проблемы «Запад – Восток». Рациональная реконструкция взглядов отечественных мыслителей позволяет приблизиться к выявлению особенностей исторического развития России, определить истоки духовного кризиса и обозначить мировоззренческие приоритеты возрождения национальной культуры.

Понятие «философская школа всеединства» весьма условно, под ним мы понимаем ряд мыслителей, развивающих самостоятельные оригинальные философские учения, но объединенных общими идейными корнями в виде воззрений В.С. Соловьева, старших славянофилов [см.: 5, с. 98], в той или иной степени имеющих для них всех значение «школы». Прежде всего нас будут интересовать историософские взгляды отдельных ее представителей. На протяжении всей истории нашей страны особую роль в ее судьбе играло соотношение цивилизационных потоков различной направленности, сталкивающихся в области духовной культуры. Попытка концептуально-теоретически проанализировать и осмыслить данные процессы представляется своевременной и необходимой. Особый интерес вызывает стремление обозначить и определить позитивные мировоззренческие приоритеты, противопоставить их негативным параметрам, определив комплекс представлений философов, принадлежащих к школе всеединства. Мыслители рубежа XIX–XX веков, находясь в принципиально подобной современному состоянию ситуации, предлагали такие ценностные ориентиры, которые могут и должны быть востребованы в наше время. Кроме того, рост влияния религиозного фактора в процессах самоидентификации населения, активизация религиозных деятелей в общественной жизни действительно ставят перед научным сообществом задачу исследования социальных концепций религиозных мыслителей, механизма их формирования и трансформации.

Рассмотрение историософских взглядов представителей философии всеединства сквозь призму антиномии «Запад – Восток» позволит

максимально заострить внимание на центральных проблемах духовной жизни. Указанную антиномию в рамках русской философии можно рассматривать как системообразующую. Она лежит в основе отечественной философии истории и, следовательно, в основе всей собственно русской философской традиции, коль скоро мы признаем особую роль историософии в формировании русской философской мысли [см., напр.: 4, с. 16–17]. Конкретное выражение проблема «Запад – Восток» обретает в различных учениях в зависимости от творческих предпочтений авторов, характера их философии и влияния исторических условий. Для мыслителей, принадлежащих к философии всеединства и ориентирующихся на православные ценности, в качестве первостепенного вопроса вставала проблема соотношения христианских конфессий. Данная тема, волновавшая идейных предшественников философии всеединства – старших славянофилов и ее основателя – В.С. Соловьева, сохранила свою актуальность и в начале XX века, и в настоящее время. С ней тесно связаны проблема исторического призвания и судьбы России и русского народа.

Однако в эпоху катастрофических преобразований, потрясших нашу страну в первые десятилетия XX века, которые Соловьев, по всей видимости, предчувствовал, но не дождался до них, на первое место выступает проблема осмысления духовных корней масштабного национального кризиса и поиск путей выхода из него, что актуализирует обращение к социально-политическим вопросам. Друг, ученик и критик Соловьева – Е.Н. Трубецкой отметил, что в критическую эпоху начала XX века романтический утопизм эпохи основателя философии всеединства ушел

в прошлое, и пришло время «сделать наш вперед от Соловьева» [см.: 6, с. 9]. Тем не менее, как мы увидим, представители философии всеединства продолжают философский дискурс животрепещущих для них проблем в смысловом поле антиномии «Запад – Восток».

По всей видимости, мысль, высказанная видным представителем философии всеединства – С.Н. Булгаковым в 1912 году, наглядно демонстрирует культурную ситуацию в нашей стране начала XX века глазами русского интеллигента: «Нам приходится стоять перед лицом мощной западной культуры в полном ее расцвете, нам необходимо, кроме того, учиться у нее, известным образом усвоить ее. Но даже самое это усвоение не есть процесс только механический, а требует органической ассимиляции. ...Перед нами опять стоит антиномия славянофильства и западничества, в новой лишь ее постановке» [1, с. 14]. В настоящее время, указанное противопоставление по-прежнему актуально, что стимулирует наше стремление реконструировать воззрения мыслителей в контексте заданной Булгаковым модели. На первое место встает вопрос об отношении к Европе и ее влиянии на русскую культуру.

Один из оригинальнейших представителей философии всеединства – П.А. Флоренский отмечал принципиальное отличие православной культуры, отождествляемой с русской, от культуры западной – католической и протестантской. Давая характеристику западному жизнепониманию, философ писал, что «православное жизнепонимание чуждо этой философии, у которой в сокровенной основе всех глубин лежит категория вещиности и которая решительно чужда идее личности, как чужд признания личности с ее запросами и весь строй католицизма» [8, с. 518]. Подобные заявления, явно тяготеющие к старшему славянофильству, отождествляющему православное со вселенским, трудно было разделить в начале XX века, «потому что это значило бы вычеркнуть из своего образования Соловьева» [см.: 5, с. 304]. Отказ самого автора от теократической модели и утверждение универсалистских идей размывали убеждение в явном превосходстве православия над другими христианскими конфессиями. От четкости этого убеждения, заметим, во многом зависели представления о мессианском предназначении России и русского народа. Данная тема достойна отдельного разговора и в настоящей статье мы попытаемся не заострять на ней

внимания, сосредоточившись на отношении к европейской культуре.

Такой представитель философской школы всеединства, как, например, Булгаков, относился к средневековой европейской культуре, основанной на принципах католицизма, весьма спокойно, не считая ее прямо противостоящей православию. Славянофильское утверждение о генетически греховном основании европейской цивилизации, присущее Флоренскому, не было характерно для него, причем не только в период до принятия им священства, но и после этого акта. Мыслитель оставался приверженцем религиозного углубления жизни без строгой конфессиональной принадлежности. В годы эмиграции Булгаков значительное количество работ посвятил экуменическим проблемам, разработал концепции объединения церквей, вызывающие неоднозначную реакцию со стороны православных богословов, и принимал активное личное участие в экуменическом движении.

При детальном рассмотрении, однако, мы обнаружим, что между воззрениями последователей Соловьева в контексте данной проблемы значительно больше общего, нежели расхождений. Мыслители, несомненно, сходятся во мнении о негативных основаниях европейской культуры Нового времени. Булгаков неоднократно отмечает, что западная культура «имеет религиозные корни». Средневековье и реформация заложили духовные основы западного мира. По мнению мыслителя, реформация вызвала во всех странах Европы «огромный религиозный подъем». На этой базе, в свою очередь, оформились понятия политической свободы, свободы совести, прав человека и гражданина, получило стимул хозяйственное развитие. При этом не были потеряны «преемственность и постепенность». Культурная история западноевропейского мира, по мнению Булгакова, представляет собой «одно связанное целое», в нем еще живы итоги духовных исканий и средних веков, и реформации, и веяния нового времени.

Постепенно, однако, Европа утрачивает свой религиозный энтузиазм. Усиливаются тенденции гуманистического индивидуализма, находящие свое законченное выражение в эпоху «просветительства». Просветительство, по мнению Булгакова, приводит к «скептицизму и атеизму», к «позитивизму и материализму», к «утилитаризму и гедонизму». Таким образом, в духовные корни европейской цивилизации

проникают разрушительные тенденции, и они начинают «чахнуть и гнить». Как считает Флоренский, квинтэссенцией европейской культуры Нового времени является идея существования без Бога – «в целом, новая культура есть хронический недуг восстания на Бога» [9, с. 548–549], – отмечает он. Следствием этого стало развитие позитивных наук и секуляризация. Современная Европа, по мнению Булгакова, несмотря на успехи в техническом развитии, стоит на пороге кризиса, порожденного духовным упадком. «Господство утилитаризма и упадок личности угрожают подорвать хозяйственное развитие», – отмечает мыслитель [см.: 2, с. 363].

Как видим, западная культура не отвергается мыслителями, принадлежащими к философии всеединства, целиком и безоговорочно. Запад, считает, например, Булгаков «сохраняет для нас значение школы», прежде всего в области «*техники* жизни», «общечеловеческих сокровищ духа, наук и искусств», а также в сфере политической как пример «демократического конституционализма». Однако Запад уже не является «единственно возможным воплощением культуры» [см.: 2, с. 120]. Неприятие вызывает стремление культуры новоевропейского образца снизить интенсивность духовной жизни, отказаться от устремленности к Высшему и на место Бога поставить персону с ее материальными потребностями. Корень революционных потрясений лежит именно в этом. «Утрата духовных ценностей, *экономизм*, для которого рай чувственный, материалистический есть высшее, безусловное, – вот та всемирная болезнь, которая подточила национальное чувство...» [7, с. 556], – пишет Е.Н. Трубецкой, стремясь определить истоки пролетарских революций в нашей стране и в Европе. Для него не вызывает сомнений «отрицательная ценность» антирелигиозной культуры, стремящейся построить «царство безбожного человека» на земле. Крушение данной культуры Трубецкой обнаруживает в событиях Первой мировой войны [7, с. 323] Борьба против указанной культуры, а не против всего западного, является содержанием творческих усилий тех авторов, чьи воззрения мы рассматривали выше. К сожалению, переломить ход истории они были бессильны. Господство материалистических представлений в широких массах, расцвет мещанства и упадок духовной жизни приводят, как один из основных факторов, к масштабным революциям, хотя данные явления, заметим, во многом сами

выступают следствиями коренных переворотов в общественной жизни.

Особенно разрушительный, во всех отношениях, характер носила российская революция. Наши авторы далеки от мысли, что пролетарская революция – исключительно русское явление, напротив, они рассматривают идеологические истоки пролетарских движений как явление западной мысли и культуры. Речь пойдет о социалистическом учении. Социализм явление противоречивое и многогранное. Как плод духовной культуры, он не только не противоречит христианству, но, напротив, совпадает с ним во многих вопросах. Трубецкой пишет о наличии «положительной правды социализма». Мыслитель обращает внимание на справедливую критику антигуманных черт капитализма, выливающуюся в справедливые требования социалистических партий, направленные на защиту безусловной ценности человеческой личности.

Несомненным подтверждением отмеченного выше является деятельность Булгакова. Еще в годы первой русской революции он выступает с идеей «христианской политики» и «христианского социализма». Философ вынашивает планы создания «Союза христианской политики», в целом ряде статей («Церковь и государство», «Религия и политика», «Церковь и социальный вопрос», «Церковь и культура») раскрывая платформу партии, и в работе «Неотложная задача» выдвигает конкретную программу ее создания. Крупной политической партии создать не удалось, но из комплекса булгаковских воззрений можно представить общие черты этой политической силы.

Философ стремится объединить христианские идеалы и социализм, как совокупность социальных реформ, в платформе одной партии. Для этого интеллигенция, которую Булгаков, вслед за Ф.М. Достоевским, считает религиозной, должна вернуться в лоно христианской религии и православной церкви, а последняя – принять ее и активизировать свою социальную политику. Сама идея соединения социалистических преобразований с христианской моралью разделяется Булгаковым, вероятно, до конца жизни, но в вопросе о создании партии христианского социализма мыслитель меняет свое мнение. В статье «Христианство и социализм» он заметил: «Пусть социалисты делаются христианами, а через это христианизируется и их социализм, но выступать с проповедью особой партии христианского социализма – это значит

принижать вселенские глаголы христианства и самую Церковь ставить в положение партии» [10, с. 228]. Философ к этому времени все более эволюционирует в сторону богословия и православной церкви, с ее стремлением не смешивать дело людское с делом Божьим, как это делает критикуемый Булгаковым в указанной статье католицизм. Таким образом, мыслитель надежды на преодоление кризиса в России связывает с восстановлением идеалов православной церковности, но во втором десятилетии XX века он все больше склоняется к тому, что это должно быть делом личного нравственного выбора, не организованного каким-либо политическим движением.

Однако в социализме есть и другая, вызывающая резкое отторжение у представителей философии всеединства, сторона. Социализм, по мнению все того же Булгакова, «это – первое в истории христианских народов движение, имеющее религиозные черты, и притом сознательно враждебное христианству, стремящееся отторгнуть у него массы народные» [1, с. 182]. Социализм опасен именно своим религиозным характером, так как «народные массы – вообще религиозные». Однако современный социализм отличается «принципиальным атеизмом». «Материалистический социализм» мыслитель склонен рассматривать как «самый поздний и зрелый плод просветительства» и, одновременно, «одно из разлагающих начал в духовной жизни Запада». Социализм, как плод новой европейской культуры, вызывает и отстаивает идею самодостаточности человека и стремится доказать возможность построения Града Божия на земле. Социализм противостоит даже идеям гуманизма при том, что сам является их порождением. Социализм – альтернатива капитализма, однако сам социализм носит «мещанский» характер. Как видим, негативное отношение к идеологии и практике социализма вызвано господством в нем сугубо человеческих, мещанских, вульгарно-материалистических, а потому по сути антихристианских черт.

Несмотря на европейские корни негативных характеристик культуры и социализма, представители философии всеединства, каждый в контексте тех проблем, которые были для него первостепенными, обращают внимание на процессы, происходящие в отечественной культуре. Они не были склонны переносить всю вину за духовный кризис в нашей стране на западное влияние. Булгаков довольно часто повторяет, что европейские народы не утратили

связи со своими религиозно-духовными корнями. Поэтому негативные тенденции, развивающиеся в Европе, не столь опасны, как те, что имеют место в России, которая стараниями своей интеллигенции перенимает худшие проявления европейской цивилизации. Российская интеллигенция, по мысли Булгакова, усваивает новейшие политические и социальные идеи Запада «в связи с наиболее крайними и резкими формами философии просветительства». Не улавливая корней европейской цивилизации, интеллигенция утрачивает и свои. «Поэтому в борьбе за русскую культуру, – пишет Булгаков, – надо бороться, между прочим, даже и за более углубленное, исторически сознательное западничество» [10, с. 149].

Тема интеллигенции для мыслителя вообще является одной из самых актуальных, особенно до принятия им священства. Именно интеллигенция, по мысли Булгакова, выступает той силой, которая проводит в сознание русского народа чуждые ему идеалы, черпая их преимущественно в Европе. Философ считает, что «судьбы Петровой России находятся в руках интеллигенции... Она есть то прорубленное Петром окно в Европу, через которое входит к нам западный воздух, одновременно и живительный, и ядовитый» [10, с. 140]. При этом образованный слой России религиозно преклоняется перед Западом, создавая себе утопическое представление о нем и даже не желая как следует его узнать. Усваивая в наиболее радикальных формах секуляризованную культуру Европы, интеллигенция прониклась сама и распространяет в народе идеи социализма. Булгаков сам отдал дань увлечению марксизмом и социализмом, но он осознал ограниченность последних и стал одним из самых активных их критиков.

Говоря о разложении средневекового миропонимания, полагая его в качестве определенного идеала, Флоренский также был далек от мысли, что во всех бедах России виновато исключительно западное влияние. Он отмечает определенный параллелизм в процессе распада духовной культуры в Европе и в нашей стране. «Разложение онтологического миропонимания, называемое на Западе Возрождением, в несколько ослабленном виде и с некоторым запозданием происходило также у нас, – считает мыслитель. – Этот процесс чрезвычайно нагляден... духовное вытесняется плотским, истина – домыслами, созерцание – рассудочностью, непосредственность святости

– условностью» [9, с. 561]. Признаки духовного разложения проявились во всех областях жизни общества, в том числе в церковной сфере. Трубецкой, автор оригинальных и талантливых работ по русской иконописи и храмовому зодчеству, указывает на характерное изменение в архитектуре православных храмов. Если в древнерусской традиции главы церквей напоминают свечи, жертвенным огнем вознесшиеся к небу, что показывает интенсивность религиозного чувства как самого строителя, так, по всей вероятности, и всего народа, то в период Нового времени образ храмов изменился. Земные мотивы заменили мистическое напряжение. Главы соборов, по мысли Трубецкого, стали напоминать предметы быта. Глубину духовной жизни сменило «беспросветное мещанство». Оно не так уж и нейтрально, по мысли философа. Из недр духовного мещанства «рождаются кровавые преступления и войны» [см.: 7, с. 401–406].

Что особенно интересно, Флоренский отмечает парадоксальный характер изменений в культуре русского народа. В отличие от секуляризирующейся Европы, в нашей стране мы обнаруживаем развитые религиозно-мистические настроения православного народа. Однако это приводит к стремлению поставить вселенскую церковность на второстепенное место или не учитывать ее совсем, на первое место ставя себя, опираясь на веру в то, что русский народ «есть прирожденно-христианский народ, особенно близкий к Христу» [см.: 9, с. 544–545]. Результат подобных настроений – самообожествление или самообожение, выступающее сущностью культа человека (человекобожия). Мы видим, что Запад другим путем приходит к тому же самому итогу. Указанные тенденции проявились и слились в русской истории. С одной стороны, идея богоизбранности русского народа, с другой – идея западноевропейской культуры без Бога, взаимно переплетаясь, разрушили в народном сознании ценности православной культуры и привели к началу XX века к общенациональному кризису и революциям, выступившими катализаторами этого процесса и в дальнейшем.

Как видим, идейные последователи Соловьева, окончательно освободившись от романтических иллюзий XIX века, сосредоточили внимание на истоках и формах проявления масштабного духовного кризиса, захлестнувшего, как мы видели, по их мнению,

не только Россию, но и Европу. После некоторого всплеска представлений о духовном возрождении и даже идее мессианизма, навеянных патриотическим подъемом начала Первой мировой войны, наши авторы вынуждены констатировать духовную деградацию культуры. Мировая война воспринималась как проявление и одновременно кончина той антихристианской по своей сути культуры, которая, забыв бога, в конечном итоге утрачивает и человека. Представители философии всеединства остро ощущают изменение качества духовной жизни личности, «какой-то выход из себя вовне, упразднение внутреннего человека». Комплекс вопросов, вытекающих из антиномии «Запад – Восток», решается ими в зависимости от тех угроз, которые те или иные процессы несут религиозным чувствам и всему духовному укладу народа. Отношение к европейской культуре, как мы видели, определяется именно данными соображениями. Наиболее последователен здесь Флоренский, в тридцатые годы высказывавший мысль о необходимости построения закрытого государства, в котором народ должен ждать возрождения религиозной жизни. В настоящий момент, возможно, спорным представляется мнение о необходимости именно религиозного преобразования жизни, но, несомненно, актуальным является стремление представителей философии всеединства утверждать идеал высокодуховной творческой личности. В этом видится основной приоритет, который позволит добиться прогрессивного развития национальной культуры.

Список литературы

1. Булгаков С.Н. Два Града. Исследования о природе общественных идеалов / Сост., коммент. В.В. Сапов. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1997.
2. Булгаков С.Н. Сочинения: В 2 т. – Т. 2.: Избранные статьи / Сост., подгот. текста, вступ. статья И.Б. Роднянской. – М.: Наука, 1993.
3. Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. – Л.: ЭГО, 1991. – Т. 1. Ч. 1.
4. Русская философия: Словарь / Под общ. ред. М.А. Маслина. – М.: Республика, 1995.
5. Трубецкой Е.Н. Избранное / Сост., послесловие и комментарии В.В. Сапова. – М.: Канон, 1995.
6. Трубецкой Е.Н. Мирозерцание В.С. Соловьева: В 2 т. – Т. 1. / Вступ. статья А.А. Носова. – М.: Московский философский фонд, Изд-во «Медиум», 1995.

DEVELOPMENT OF VIEWS ON A PROBLEM «WEST – EAST» REPRESENTATIVES OF PHILOSOPHICAL SCHOOL OF «TOTAL-UNITY» (boundary XIX–XX of centuries)

I.A. Treushnikov

The author carries out the comparative analysis of views on philosophy of history of representatives of Russian philosophical school of «total-unity» within the framework of a problem «West – East». Rational reconstruction of sights of Russian thinkers allows to come nearer to revealing features of historical development of Russia to find out

7. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни / Худож.-офор. Б.Ф. Бублик. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2000.

8. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины: В 2 т. – Т. 1. / Вступ. Статья С.С. Хоружего, историографический очерк игумена Андроника (Трубачева). – М.: Правда, 1990.

9. Флоренский П.А., священник. Сочинения: В 4 т. – Т. 2. / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачева. – М.: Мысль, 1996.

10. Христианский социализм (С.Н. Булгаков): Споры о судьбах России / Редактор-составитель, автор предисловия и комментариев В.Н. Акулинин. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991.